

**«ВИДЕНИЕ» И «ВЕДЕНИЕ» ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКТА
В МЕМОРИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ И В РЕКОНСТРУКЦИЯХ
ИДЕНТИЧНОСТЕЙ**

В статье фокус внимания направлен на оценку в современном мемориальном историографическом дискурсе и в практиках реконструкций идентичностей познавательных возможностей «реляций очевидцев от власти» как отраженной исторической памяти о первом для российского общества опыте реализации права выбора своих индивидуальных, групповых и коллективных предпочтений в историческом контексте драматических перемен первого десятилетия XX века. Центральным в повестке методологических дискуссий является вопрос о роли чувственного восприятия исторического факта-события, его «видения», запечатленного в свидетельствах очевидцев, в новой оптике, новых субъективных измерениях для формирования знания об этом факте, то есть «ведения» о нем, как результата процедуры познания исторического факта историком в исследовательских практиках. Экземплификацией подобных практик является предложенная автором статьи реконструкция общественных настроений и мотиваций в процессе самоидентификации в российском обществе на основе интерпретации «видения», зафиксированного в текстах очевидцев, свидетелей и участников.

***Ключевые слова:** мемориальный дискурс, политический дискурс, процедура реконструкции, идентичность, свидетельства очевидцев, концепт, мотивация поведения, общественные настроения*

В современном мемориальном дискурсе историками подчеркивается тот факт, что «живое воспоминание» находится под угрозой исчезновения с уходом поколения очевидцев и недолговечностью эпохи коллективного воспоминания. Вот почему актуализируются практики реконструкций образов событий и фактов прошлого на основе прочтения и осмысления источников, прежде не находившихся в приоритете для историков, к которым относятся свидетельства очевидцев, зафиксированные в текстах. Оценка познавательных возможностей отраженной исторической памяти в форме «реляций очевидцев» как канала передачи опыта и сведений о прошлом является частью современного историографического дискурса¹. Среди вопросов, составляющих повестку ведущих историками дискуссий, имеющих методологический характер, можно выделить феномен «взглядоцентризма», т.е. первостепенной, заглавной роли в исторических исследованиях информации о событиях и процессах, сообщенной очевидцами или участниками событий. Сама идея обусловленности степени правдивости нарратива, аутентичности исторической информации ее «приближенностью» к реконструируемому факту-событию не является новой, а скорее, характеризуется устойчивым и непреходящим интересом к ней историков в прошлом и в настоящем. В реалиях новейшего времени проблема исторического факта, его структуры, реконструкции и интерпретации вновь

¹ Вжосек 2012: 221–222.

становится предметом дискуссий профессионального исторического сообщества², что связано с теми трансформациями, которые происходят в предметном поле истории и ее методологии.

В статье предпринята попытка осмыслить современные оценки историков-профессионалов роли чувственного восприятия исторического факта-события, его «видения», запечатленного в свидетельствах очевидцев, в том числе, в новой оптике, новых субъективных измерениях, для формирования знания об этом факте, т.е. «ведения» о нем, как результата процедуры познания исторического факта историком в исследовательских практиках. Экземплификацией подобных практик является опыт реконструкции процесса самоидентификации на групповом и индивидуальном уровне, происходившего в российском обществе в драматическое первое десятилетие XX в. на основе «видения» его «очевидцами от власти», зафиксированного в сохранившихся архивных реляциях губернаторов о настроениях в обществе во время выборной кампании в первый российский парламент – Государственную думу. Опыт вовлеченности в этот процесс потребовал от его участников осуществить свой выбор и сопровождался, как продемонстрировали итоги выборов, «деградацией в обществе царистской памяти и идентичности», формированием новых идентичностей в канун переломных событий истории русской революции.

Актуальность исторической реконструкции формирования «новых» идентичностей в российском обществе в период кардинальных социальных трансформаций начала XX в. усиливается еще «связью прошлого и настоящего», о которой убедительно сказано Л.П. Репиной во вводном разделе коллективной монографии «Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности». В частности, там говорится, что «культурный», «прагматический», «мемориальный», «визуальный», «пространственный» и другие «повороты» открыли перед исторической наукой новые перспективы, новые объекты, новые методы» и выдвинули на первый план концепт «опыт», «который фокусирует внимание на коллективном, нормативном и культурно-семиотическом аспектах памяти о событиях прошлого, фиксируя тесную связь восприятия прошлого и отношения к нему в исторической памяти с социокультурным контекстом актуального настоящего»³.

Среди источников изучения памяти особое место занимают свидетельства очевидцев, их мемуары, дневники, переписка, на основе которых можно реконструировать культурную память о прошлом, социокультурную, политическую идентичность акторов истории. Доверие к свидетельствам очевидцев связывается историками с переоценкой и переосмыслением историческим сообществом на современном этапе значимости «видения» как надежной основы реконструкций исследова-

² Селунская 2020.

³ Прошлое для настоящего... 2020: 13.

телем исторических фактов, событий, процессов. Так, например, Войцех Вжосек, обращаясь к истокам развития познавательных процедур, указывает, что уже на ранних стадиях познания мира осознавалась первостепенная значимость «видения», а также «неразделенность», тесная связь операции видения, чувственного восприятия исторического факта-события, и «ведения», формирования знания о нем, как сознательной мыслительной процедуры. Кроме того, в этой комбинации, соединении, неразделенности определяющим аргументом выступало «само видение», «статус очевидного состояния вещей». Именно определяющая значимость «видения» сохраняется, по мнению историка, в последующем развитии историографии, когда стали использоваться письменные источники, в которых «непосредственный свидетель» представлен уже «в образе текста, содержащего его свидетельство». Текст рассматривается как способ сохранения чьего-то «видения и слышания», т.е. некоторых свидетельств о зримом, ощущаемом мире, а степень «правдивости исторического нарратива» связывается с возможностями историков «обращения к очевидцу», использования «свидетельства живущих свидетелей» и «свидетельства людей, передающих услышанное знание».

Весьма убедительным представляется утверждение историками значимости «исторического свидетельства», его способности «ответить на вопросы, задаваемые в данном домене исторического познания», а также постановка проблемы взаимосвязи «новых доменов исторического исследования» с «новыми измерениями эмпирии», в т.ч. выбором соответствующих источников и их интерпретации. «Источниковость» может быть понимаема как измерение объективности конструируемого историком «исторического мира» в отдельном домене исследования⁴. Методологическая составляющая формирования источникового знания связана, несомненно, и с «мнением историка» о характере и содержании исторического знания, которое желательно получить в этом домене – предметной области истории. Такой предметной областью истории может быть как «традиционный», так и «новый» домен исторических исследований. Использование свидетельств очевидцев в «традиционных областях» исторических исследований может «открывать» новые ракурсы прочтения, новые измерения эмпирии и «видения» исторического факта, а также расширять границы «ведения» исторических фактов-событий и процессов. Так, например, реконструкции исторических фактов на основе «свидетельств очевидцев» могут открыть возможность «увидеть» такие важные, но скрытые, подвижные, полихромные характеристики социума как общественные настроения, мотивы поведенческих моделей отдельных групп, слоев населения, их социальные, политические, этнокультурные идентичности. В плане оценки «надежности» выводов и заключений историка, основанных на свидетельствах очевидцев, историки склонны полагать, что эти источники обладают высо-

⁴ Вжосек В. Культура и историческая истина 2012: 244.

кой степенью «чувствительности» воспроизведения образов прошлого, отдельных событий и фактов, так как «удостоверяют связь историка с прошлым», поскольку историк приобретает возможность «видеть» перед собой «фрагмент прошлого» через представителя этого прошлого – очевидца события, участника или современника.

Примером доказательства значимости свидетельств очевидцев для «новых доменов» исторического познания являются исследовательские практики в области изучения памяти (“memory studies”). По мнению специалистов, работающих в этом сегменте предметного поля истории, главным для историка становится не событие прошлого, а память о нем, тот образ, который запечатлелся у переживших его участников и современников, и который транслировался последующим поколениям, превращаясь в «заверенную память», т.е. память, «преобразованную в историю»⁵. Американский историк Аллан Мегилл подчеркивал, что понимание историком своей задачи имеет двоякий смысл: получение знания о прошлом, т.е. познание прошлого, и репрезентация прошлого и получение образа прошлого⁶. Следовательно, по мнению А. Мегилла, историк не должен ограничиваться реконструкцией реальных событий, т.е. того, что «действительно произошло». Работа историка включает и функцию воображения для представления того, как что-то произошло, т.е. реконструкция событий должна быть дополнена «видением» и «представлением видения», которые оцениваются выше, чем просто знание, или узнавание. Представляется важным более пристально прочитать, расшифровать, раскрыть смысл, заложенный в утверждении «представление видения». Так, особого внимания в подобных репрезентациях заслуживает «интенция» историка, которая является весьма существенной в «предопределенности» роли источника в исследовательском сценарии. То есть, познавательный потенциал источника определяется не только и не столько его происхождением, видовой принадлежностью, отраженной в классификации, сколько той ролью, которую историк приписывает источнику сегодня, задавая ему вопросы и втягивая в конкретный дискурс, в т.ч. при использовании его как в «традиционных», так и «новых» доменах исторических исследований. Следует добавить, что именно «мемориальный поворот» предлагает иную оптику видения и реконструкции исторических фактов в контексте социокультурного подхода. Вот почему более значимой представляется классификация источников по вовлеченности их в проблемное поле исследований в качестве их эмпирической основы. В этом случае «включенность источника» в определенный «домен исторической науки» позволяет оценить его потенциал, высказать суждения о его информативной ценности и аутентичности содержащейся в источнике информации для реконструкции историком избранного им исторического факта, явления, процесса.

⁵ Эклс 2001: 176–198.

⁶ См.: История, память, идентичность... 2016.

В современных дискуссиях наибольший интерес для источникововеда представляет поиск и освоение источников, позволяющих осуществить «репрезентации прошлого» в дополнение к «реконструкции» того, что было, оценка их информативного потенциала для того, чтобы «увидеть» прошлое, обогатить историческое знание эмоционально-психологическим восприятием образа прошлого. Специфика такого подхода проявляется, в частности, в «метафорическом характере» видения прошлого, что означает «интеллектуальное», умственное видение прошлого через считывание текста источника, фиксирующего впечатление и наблюдения очевидца и участника событий, памяти о них.

Современное внимание к свидетельствам очевидцев событий и фактов, относящихся к «традиционным» областям, прежде всего к политической истории актуализировано еще и теми трансформациями в этом домене истории, которые связаны с «историческим», «культурным» и «мемориальным» поворотами. Так, по мнению В. Вжосека⁷, политическая история является «основополагающим видом» исторических сочинений, практики которого следует, однако, обогатить, например, дополнив академическую историческую интерпретацию политики прошлого, ее отдельных этапов, фактов и событий их историко-культурологической интерпретацией, в т.ч. путем включения научного, художественного, политического, публичного дискурсов. Эти дискурсы должны рассматриваться как «способы смыслонаделения мира прошлого», формирования его образа в национальной культуре, в коллективной памяти с его исторической конкретикой: изменчивостью, вариативностью опыта и его освоения, переживания и осмысления.

Предложенный подход заслуживает особого внимания и при обращении к политической истории Российской империи в начале XX в., имеющей длительную и богатую историографическую традицию, в которую свой вклад внесен и автором статьи⁸. Новым ракурсом изучения этого этапа политической истории России является рассмотрение процесса формирования политической демократической культуры, реконструкции приобретенного в ходе развития этого процесса индивидуального и группового исторического опыта самоидентификации и рождения новых идентичностей в российском обществе начала XX в. Именно в этот период появилось в российском обществе «пространство возможностей» для выбора, а также определились «горизонты ожиданий» отдельных представителей и групп российского общества. Появление этих новых условий и их проявление связано с контентом *политического дискурса*, который вели представители различных политических сил накануне и в ходе первой выборной кампании в Государственную думу, в период, когда ситуация в России оценивалась современниками как сложная настолько, что из нее «другого, не кровавого, выхода нет». Однако, хотя Россия была близка к революции, тем не менее Манифест

⁷ Вжосек В. О необходимости... 2012: 61–65.

⁸ Селунская, Тоштендаль 2005.

17 октября 1905 года, содержащий обещание открытия Думы и проведения выборов в этот институт «народного представительства», возможно расценивать как реформу, хотя и проведенную под давлением общества, но содержащую возможности модернизации российского общества, в т.ч. демократизации системы управления империей, точно так же, как и реформы, происходившие во многих странах Европы в те годы. Основные вопросы политического дискурса того времени: какие «демократические» альтернативы в 1906 г. в России были предоставлены избирателям в политической сфере, и как понимание «демократии» соотносилось с другими центральными понятиями, такими как «конституция», «революция», «равенство», «законность», а также, в определенной мере, с вариантами решения «земельного вопроса». «Демократические ценности» занимали центральное место в политическом дискурсе того времени в Российской империи, который велся различными политическими силами, получившими в ходе выборов возможность продемонстрировать свои предпочтения. Несмотря на то, что правительство, высшая бюрократия, приближенная к царю, была против развития политизации общества, культура права выбора стала развиваться, что не могло не проявляться в общественных настроениях и в процессе самоидентификации населения. Таким образом, именно опыт вовлеченности российского общества в выборный процесс актуализировал и стимулировал процесс самоидентификации населения, осознания своих предпочтений в выборе путей дальнейшего развития социума, своих идентичностей.

Примером обращения к зрительному опыту очевидцев, транслированного в письменных свидетельствах, нового прочтения «политического исторически ориентированного дискурса» о настроениях в российском обществе в начале XX века в контексте конструирования коллективной памяти как способа осмысления «ближайшего прошлого» может быть опыт анализа реляций губернаторов, хранящихся в РГИА в Санкт-Петербурге. В фонде «Особое делопроизводство по выборам в Государственную Думу» обращает на себя внимание одно из дел – «О причинах успеха на выборах в Государственную Думу крайних партий»⁹. В нем собраны подробные ответы губернаторов на шифрованную телеграмму министра внутренних дел П.А. Дурново от 29 марта 1906 г., в которой он просил изложить их собственное мнение на причины значительного успеха кадетов на первых выборах в Думу. В телеграммах, которые были разосланы по 25-ти губерниям, содержалось следующее обращение: «Благоволите сообщить со всею подробностью мнение Ваше о причинах успеха на выборах крайних партий. Лежат ли эти причины в условиях самой системы выборов и каких именно или в равнодушии умеренных классов общества и энергической пропаганде крайних партий или иных обстоятельствах. Сообщите также Ваше заключение о степени

⁹ РГИА. Ф. 1327. Оп. 2. Д. 40. Этот источник был введен в оборот в ходе исследования в моем семинаре процесса становления российского парламентаризма с моими учениками. См.: Селунская, Бородкин и др. 1996.

добросовестности приемов политической предвыборной агитации и равно сведения о наблюдавшихся при выборах случаях злоупотреблений, подкупа и угроз, и степени влияния этих обстоятельств на исход выборов»¹⁰. В ответах губернаторов наиболее интересными для реконструкции самоидентификации людей, участвовавших в выборах, является «видение» очевидцами от власти процесса осознания участниками выборной кампании своих предпочтений, социальной и политической идентичности, востребованной в ходе первого опыта «выбора» желательного «народного представительства», ответственного за реализацию «ожиданий народа». Сами же ответы губернаторов могут расцениваться как свидетельства очевидцев, так как писали они их почти сразу же по завершении выборов в губерниях.

Степень доверия этим свидетельствам очевидцев и содержащимся в них оценкам общественных настроений может быть обоснована фактом отсутствия фальсификации результатов выборов, которые явно не были такими, как хотелось правительству, и еще менее они отвечали интересам императора и его ближайшего окружения. Кроме того, к этому времени итоги избирательной кампании уже были известны для европейской части России, и руководители правительственной администрации на местах не были заинтересованы в «лакировке» или какой-либо иной фальсификации общественных настроений. Скорее наоборот, им было важно предоставить в министерство наиболее полную аутентичную панорамную картину видения ситуации для выработки правительственного курса в отношении новых выборов в следующую Думу.

Однако признание «надежности» свидетельств очевидцев-губернаторов не снимает проблемы сложности процесса реконструкции общественных настроений и формирования новых индивидуальных и групповых идентичностей, которая связана с подвижностью и неопределенностью этих настроений. В условиях, когда самодержавие все больше дискредитировало себя, демонстрировало неспособность к адекватной оценке происходящих событий, старалось не замечать предупреждений о грозящей катастрофе справа и слева, предпочитая репрессивные меры в качестве инструмента управления, социально-политические воззрения различных общественных групп не могли быть неизменными. Это обстоятельство также необходимо учитывать в практиках реконструкции общественных настроений и процесса самоидентификации в российском обществе начала XX века.

Что касается информативной ценности свидетельств очевидцев для реконструкции «картин» происходившего на основе считывания

¹⁰ Телеграммы министра были разосланы, как указано в канцелярской справке, в губернаторства Бессарабской, Витебской, Владимирской, Вологодской, Гродненской, Калужской, Ковенской, Костромской, Курской, Могилевской, Московской, Новгородской, Олонецкой, Орловской, Подольской, Псковской, Самарской, Симбирской, Таврической, Тамбовской, Тверской, Тульской, Уфимской, Харьковской, Ярославской губерний, а также в Ставрополь и в ведомство московского градоначальника.

«видения» ее свидетелями, участниками, современниками, то раскрытие смыслов содержащихся в них концептов как репрезентаций реалий определенного исторического периода представляется важным для заявленной реконструкции и определенным вкладом в конкретно-историческое знание, добавлением эмпирии в историческую эпистемологию.

В качестве примера, доказывающего полезность текстов свидетельств очевидцев для исторического знания, «ведения» исторического факта, обратимся к некоторым концептам, которые используют губернаторы в своих письмах как аутентичные характеристики, идентификаторы основных социальных групп, представляющих российское общество начала XX века, а также общественных настроений, «ожиданий» в период «кровавой зари», поднявшейся над Россией, которая, по оценке А.И. Куприна, была «зарей не ночи, а утра...»¹¹.

Представляется логичным начать с вопроса о том, наблюдались ли очевидцами от власти проявления этнокультурной идентичности национального уровня, осознание обществом себя как единого социума, «русского народа». В поиске ответа на этот вопрос чуть расширим ареал текстов свидетельств очевидцев от власти, «инсайдеров», тех, кто видел и наблюдал ситуацию, что называется, «изнутри». В этом ракурсе интерес представляют цитируемые в дневниковых записях французского посла в Российской империи Мориса Палеолога слова члена Государственного совета, исповедовавшего право-монархические взгляды, члена совета Русского собрания, который позже занимал пост Главного управляющего землеустройством и земледелием А.В. Кривошеина, о значимости внутреннего согласия между правительством и общественным настроением и вреде антагонизма между императорской властью и гражданским обществом. Этот государственный деятель утверждал, что будущее России останется непрочным, «пока правительство и общество будут обозначать один другого словом «они» и пока они не будут употреблять слово «мы», чтобы указать на совокупность русских»¹².

Как видим, имеет место констатация представителями власти оппозиции «правительства» и «общества» и желательность видения в качестве центростремительной силы этнокультурную идентичность русских, способную объединить власть, правительство с обществом. Заметим, однако, что российское общество этого периода, как показали, в т.ч. итоги выборов в Государственную думу, не демонстрировало приверженность «традиционным ценностям, представленным «триадой»: православие-самодержавие-народность, которые явно ослабевали в памяти и ментальности российского общества и даже русского крестьянства. В письмах губернаторов, как, кстати сказать, и в многочисленных воспоминаниях современников, названы другие мощные силы, определявшие процесс самоидентификации российского общества и мотивацию поведения его отдельных социальных групп. Ими были «всеобщее возмущение

¹¹ Куприна 1979: 23–24.

¹² Палеолог... 1991: 157.

властями» и желание «спасти Россию». Зловещий смысл этого «всеобщего возмущения» весьма эмоционально охарактеризовал в своем выступлении в думе кадетский депутат А.Р. Ледницкий, указав на то, что это была стихия, которая, по его словам, «быть может снесет и нас, но вместе с тем она снесет многое, что можно было сохранить и ввергнет страну в бездну страшных потрясений»¹³. Вот именно эти два суждения: «*всеобщее возмущение властью*» и «*желание спасти Россию*» – весьма лаконично, эмоционально и содержательно транслируют видение современниками и очевидцами общественных настроений в последний, трагический период истории Российской империи. Так, на уровне социума, который транслируется в реляциях очевидцев через концепт «среда», общественные настроения характеризуются более конкретными проявлениями названного ранее оценочного суждения – «*всеобщее возмущение властью*». Губернаторами в их реляциях министру указывается на то, что «эта *среда* выступила уже на путь активной борьбы с существующим порядком и явилась ко времени выборов в достаточной мере оппозиционной. Естественно, что все симпатии ее могли лежать только на стороне конституционалистов-демократов»¹⁴. Справедливости ради надо заметить, что в свои оценки открытости российского общества оппозиционным идеям и настроениям, губернаторы включали и «другие обстоятельства», влияющие на восприятие либеральных и даже «левых» идей. Так, например, губернаторы называли и такие факторы воздействия на «общественные настроения» и мотивации поведения, которые были связаны с огромными финансовыми средствами, находившимися, прежде всего, в распоряжении кадетов на проведение выборов. По сообщению московского градоначальника, в Москве монархисты истратили на выборы 1065 рублей, умеренные – до 335 тысяч рублей, а кадеты – больше 700 тысяч рублей¹⁵. Однако, совершенно очевидно, что этот фактор мог лишь усиливать склонность общества к оппозиционным и даже революционным настроениям и направлять и корректировать групповой или индивидуальный выбор предпочтений.

О конкретных проявлениях настроения «всеобщего возмущения», как основы формирования новых идентичностей свидетельствуют письма губернаторов, раскрывающие активное проявление крестьянством разных губерний их «отношения к помещикам и духовенству» как «конкурентам», т.е. осознание своей идентичности как земельных собственников в одном ряду с перечисленными «другими». В этом плане ярким примером являются наблюдения, сделанные известным публицистом, землевладельцем из Смоленской губернии, журналистом «умеренного лагеря» С.Ф. Шараповым сразу после выборов¹⁶. По его мнению, на уездном съезде землевладельцев, в котором приняли участие 23 крестья-

¹³ Сборник речей... 1908: 117.

¹⁴ РГИА. Ф. 1327. Оп. 2. Д. 40. Л. 32, 53.

¹⁵ РГИА. Ф. 1327. Оп. 2. Д. 40. Л. 37.

¹⁶ Шарапов 1906.

янина, они «со злыми глазами» ставили требование о земле, поддерживая кадетов. Автор с возмущением пишет, что эти крестьяне отнюдь не были безземельными, а являлись «собственниками купчей земли, приобретенной через Крестьянский банк». Такое высказывание явно представляет эмоциональное «видение» автором процесса самоидентификации в крестьянской среде, осознания определенной частью крестьянства своих интересов и себя как земельных собственников. Проявления этого осознания новой социальной идентичности «собственника» в процессе приобретения крестьянством опыта участия в выборах можно проследить и в наблюдениях губернаторов, касающихся приоритетов крестьян в выборе определенных политических сил для поддержки их в качестве «народных представителей». Так, весьма часто встречается в ответных письмах губернаторов указание на «блок между крестьянами и кадетами» и констатация фактов «поражения» на губернских собраниях представителей «правых» из-за позиции крестьянского большинства. Подтверждения наблюдений губернаторов можно найти и в воспоминаниях представителей власти. Так, побудительным мотивом поддержки кадетских депутатов крестьянами, по воспоминаниям депутата первой Государственной думы Д.Д. Протопопова о выборах в Самарской губернии, было суждение о том, что «эти, мол, (кадеты) что-нибудь для мужика может быть и сделают, а от наших господ да купцов чего ждать»¹⁷. Мотивация, как видим, связана с «горизонтами ожиданий» крестьянства в плане защиты их интересов как земельных собственников, а не как сословия с «традиционной ментальностью»¹⁸.

Продолжая эту линию размышлений, интересно было бы по текстам очевидцев от власти реконструировать образы поведения других групп российского общества под воздействием названных мотиваций. Так, очевидно, что мотивация «спасти Россию» была характерна для «образованного класса» и определяла, по свидетельствам очевидцев, его поведение. Однако «образованный класс» в «видении» современников и очевидцев был представлен в качестве «оппозиции» «народу», причем с негативными коннотациями. Так, например, вновь обращаясь к дневниковым записям М. Палеолога, находим там транслированную им позицию «виднейшего русского заводчика-металлурга и финансиста, некоего богача П.» об «образованном классе». Интересно пессимистическое видение потенциала «образованного класса» накануне крутого поворота российской истории «цензовиком с самым высоким цензом», зафиксированное в характеристике этого класса как «меньшинства, лишённого организации и политического опыта, не имеющего связи с народом». И это «меньшинство» он отождествлял с такими названными им группами как «буржуазные слои, интеллигенты, кадеты», которые именно и дадут «сигнал к революции», «дадут, вероятно, ду-

¹⁷ К 10-летию... 1916: 9, 11.

¹⁸ РГИА. Ф.1278. Оп.1. С.1. Д.27. Л.8.

мая этим спасти Россию»¹⁹. Можно утверждать, что основанием групповой идентичности «образованного класса» в восприятии современников не были ни социальный статус, ни этнокультурная принадлежность. Выстроенные в один ряд составляющие концепта «образованный класс»: буржуазные слои, интеллигенция и кадеты – возможно объединить общими либерально-демократическими настроениями, оппозиционностью власти, реформистско-революционными взглядами на судьбу страны и патриотической по звучанию мотивацией «спасти Россию».

В отношении других групп российского общества в период формирования новых идентичностей современниками использовались либо «старые» сословные характеристики, либо весьма размытые понятия, лишенные содержательной (социальной, этнокультурной) определенности оснований их выделения. Так, например, в самом обращении министра внутренних дел к губернаторам упоминается понятие «умеренные классы общества». Судя по самому факту упоминания этой категории министром в своем обращении, она является весьма существенной опорой для власти и относится к некому множеству социальных групп, так как употребляется во множественном числе. Основанием содержательной характеристики категории «умеренные классы» выступают их настроения, которые оценены в телеграмме министром как «равнодушные», т.е. политическая апатия, индифферентность. Очевидно, упомянутое «равнодушие» было неожиданным для власти и, возможно, фатальным для исхода выборов, решающим фактором для изменений в системе представлений власти об общественных настроениях в империи. При отмеченной смысловой неопределенности концепта «умеренные классы» некоторой подсказкой можно считать употребление понятий «умеренные классы», «умеренные слои» в текстах реляций губернаторов, как и в телеграмме министра, в сочетании с характеристиками их политических настроений и формами их проявлений – в виде деклараций или поведенческих моделей. Такой контекстуальный анализ дает основание для раскрытия смыслов этих концептов. Так, в целом, не отрицая «равнодушия» умеренных классов во время выборной кампании, в частности, весьма недостаточной их активности в сфере пропаганды и агитации за «умеренные партии», губернаторы отмечают тенденцию полеведения умеренных классов, поддержку ими кадетов. В наблюдениях очевидцев от власти, несомненно, прослеживается процесс трансформации настроений, которая проявлялась в «потере умеренности настроений» умеренными классами, «измене» тем основаниям, которые традиционно объединяли группу и выражались в проявлении симпатий и поддержки умеренных партий, тех, которые занимали в политическом спектре позиции «правее» кадетов. Об этом, в частности, свидетельствует тамбовский губернатор, который в своем письме отметил, что, хотя равнодушные умеренных классов к выборам не подлежит никакому сомнению, но

¹⁹ Палеолог... 1991: 177–179.

под влиянием репрессивных мер, сведения личных счетов и превышения чинами своих полномочий «умеренные классы вотировали бессознательно за кадетов», т.е. от «равнодушия», нейтральности перешли к оппозиционным настроениям, пополнив группы, характеризующиеся оппозиционной властям идентичностью. Такая же мотивация поведения умеренных классов содержится в наблюдениях симбирского губернатора. По его мнению, весной 1906 г. губерния представляла собой территорию, охваченную общим возмущением действиями властей, включая крестьянство, мещанство, духовенство, которое «вполне разделяло либеральные идеи», а также «земских и городских деятелей», «полностью находящихся в руках кадетов». Названные социальные группы не могут быть квалифицированы как умеренные классы, поскольку их настроения, охарактеризованные как «всеобщее возмущение властью» нельзя оценить как умеренные взгляды или равнодушие и политическая апатия.

Как видим, процедура раскрытия смыслов концептов, использованных губернаторами в политическом дискурсе об общественных настроениях, представляет основания для выводов о том, что в начальный период истории русской революции в российском обществе интенсивно шел процесс самоидентификации. В свидетельствах очевидцев предложена оптика видения этого процесса через некие общие и групповые характеристики настроений и мотиваций поведения. Опыт обращения к текстам писем губернаторов и к другим свидетельствам очевидцев, позволяет констатировать их значимость для реконструкции исторических фактов и событий прошлого, обогащают наше знание новой оптикой «видения» свидетелями «от власти» общественных настроений в контексте развития процесса самоидентификации в российском обществе в переломные периоды истории, каким было первое десятилетие XX века для Российской империи.

Российский Государственный исторический архив в Санкт-Петербурге (РГИА). Ф. 1327. Оп. 2. Д. 40. Л. 32, 53.

Российский Государственный исторический архив в Санкт-Петербурге (РГИА). Ф. 1278. Оп. 1. С. 1. Д. 27. Л. 8.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Вжосек В. Культура и историческая истина. М.: Круть, 2012. 336 с. [Vzhosek V. Kul'tura i istoricheskaya istina. M.: Krug, 2012. 336 s.]
- Вжосек В. О необходимости культурологической перспективы в исторических исследованиях // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 61–75. [Vzhosek V. O neobhodimosti kul'turologicheskoy perspektivy v istoricheskikh issledovaniyah // Istoricheskoe poznanie i istoriograficheskaya situaciya na rubezhe XX–XXI vv. M.: Institut vseobshchej istorii RAN, 2012. S.61–75]
- История, память, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики: материалы международной научной конференции. 3–4 октября 2016 г. М.: Аквилон, 2016. 474 с. [Istoriya, pamyat', identichnost': teoreticheskie osnovaniya i issledovatel'skie praktiki: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. 3–4 oktyabrya 2016 g. M.: Akvilon, 2016. 474 s.]
- К 10-летию 1-й Государственной Думы. 27 апреля 1906 – 27 апреля 1916. Пг.: Огни, 1916. IV с., 231 с. [K 10-letiyu 1-j Gosudarstvennoj Dumy. 27 aprelya 1906 – 27 aprelya 1916. Pg.: Ogni, 1916. IV s., 231 s.]

- Куприна К.А. Куприн – мой отец. М.: Худож. лит., 1979. 287 с. [Kuprina K.A. Kuprin – мой отец. М.: Hudozh. lit., 1979. 287 s.]
- Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны: [Пер. с фр.]. 2-е изд. М.: Междунар. отношения, 1991. 236 с. [Paleolog M. Carskaya Rossiya vo vremya mirovoj vojny: [Per. s fr.]. 2-e izd. M.: Mezhdunar. otnosheniya, 1991. 236 s.]
- Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности: коллективная монография / под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2020. 464 с. [Proshloe dlya nastoyashchego: Istoriya-pamyat' i narrativy nacional'noj identichnosti: kollektivnaya monografiya / pod obshch. red. L.P. Repinoj. M.: Akvilon, 2020. 464 s.]
- Сборник речей г.г. депутатов Государственной думы I и II созыва / [Отв. ред.-изд. В.А. Максимов]. СПб.: Ясная поляна, 1908. 576 с. [Sbornik rechej g.g. deputatov Gosudarstvennoj dumy I i II sozyva / [Otv. red.-izd. V.A. Maksimov]. SPb.: Yasnaya polyana, 1908. 576 s.]
- Селунская Н., Топтендаль Р. Зарождение демократической культуры: Россия в начале XX века. М. РОССПЭН, 2005. 335 с. [Selunskaya N., Toshtendal' R. Zarozhdenie demokraticeskoy kul'tury: Rossiya v nachale XX veka. M. ROSSPEN, 2005. 335 s.]
- Селунская Н.Б. «Спасая от забвения...» Репрезентации прошлого в источниках исторической памяти // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2020. № 4. С. 114–131. [Selunskaya N.B. «Spasaya ot zabveniya...» Rerezentacii proshlogo v istochnikah istoricheskoy pamyati // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya. 2020. № 4. S. 114–131.]
- Селунская Н.Б., Бородкин Л.И., Григорьева Ю.Г., Петров А.Н. Становление российского парламентаризма начала XX века / под ред. Н.Б. Селунской. М.: Мосгорархив, 1996. 282 с. [Selunskaya N.B., Borodkin L.I., Grigor'eva YU.G., Petrov A.N. Stanovlenie rossijskogo parlamentarizma nachala XX veka / pod red. N.B. Selunskoj. M.: Mosgorarhiv, 1996. 282 s.]
- Шарапов С.Ф. На парламентских выборах. СПб.: Т-во типолитограф. И.М. Машистова, 1906. 24 стб. [SHarapov S.F. Na parlamentskih vyborah. SPb.: T-vo tipolitogr. I.M. Mashistova, 1906. 24 stb.]
- Эксле О.Г. Культурная память под воздействием историзма // Одиссей. Человек в истории. М.: Наука, 2001. С. 268–285. [Eksle O.G. Kul'turnaya pamyat' pod vozdejstviem istorizma // Odissej. S.Helovek v istorii. M.: Nauka, 2001. S. 268–285.]

Наталья Борисовна Селунская, доктор исторических наук, профессор, кафедра источниковедения, исторический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, selounsk@yandex.ru

"Seeing" and "Knowing" of Historical Fact in Memorial Discourse and in Reconstructions of Identities

The article focuses on memorial historiographical discourse as well as on practices of reconstructions of identities, related to evaluation of an informational potential of “eyewitnesses’ reports” of “officials” and considered as reflected historical memory about the first experience of Russian society to demonstrate the right to choose their individual, group and collective preferences within historical context of the dramatic transformations of the first decade of the XXth century. The key question of the agenda for methodological discussions is the role of sensory perception of historical fact, “seeing it”, based on eyewitness-evidence, a new optics, new subjective dimensions of the fact for getting knowledge about it, which means “knowing fact” by means of the procedure of reconstruction of historical fact in the practices of historical research. The exemplification of such kind of practice, related to reconstruction of public sentiments, behavior motivation and the process of self-identification in Russian society, based on historical interpretation of its “seeing” by eyewitnesses reflected in their texts You can also find in the article.

Keywords: *memorial discourse, political discourse, reconstruction-procedure, identity, eyewitness evidence, concept, behavior motivation, public sentiment*

Natalia Borisovna Selunskaya, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Source Studies, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, selounsk@yandex.ru